

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 911.37(470+571)

Т.Г. Нефедова¹, Н.В. Мкртчян²**МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ДИНАМИКА
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ**

Проанализированы основные тенденции миграции сельского населения, пространственное распределение трудовых ресурсов в сельской местности и изменения занятости в сельском хозяйстве, связанные с его трансформацией в постсоветское время. Выделены пять типов регионов и их подтипы с разными перспективами сельского хозяйства и его обеспеченности трудовыми ресурсами. Показана связь трудообеспеченности сельского хозяйства с неформальной занятостью, включая отходничество в города. Несмотря на то, что пространственные различия состояния сельского хозяйства, помимо природных условий, институциональных и экономических изменений связаны с накопленными последствиями сельской депопуляции, современный отток населения из сельской местности не имеет прямой связи с состоянием дел в сельском хозяйстве. Рассмотрены основные факторы, приводящие к тому, что даже позитивные тенденции и устойчивый рост производства не подавляют стимулов к оттоку в города – как на постоянное проживание, так и в поисках временной работы.

Ключевые слова: урбанизация, долговременная миграция, трудовая миграция, сельское население, занятость, сельское хозяйство.

Введение. Схема стадий урбанизации универсальна [Gibbs, 1963; Richardson, 1980; Fielding, 1989; Geyer and Kontuly, 1993; Зайончковская, 1991], однако ее ход – ускоренный или замедленный, поступательный или возвратный – зависит от специфики страны. С конца XVII по XX век урбанизация в России волнами сменялась дезурбанизацией и имела рассеянный характер [Миронов, 2014]. Запоздавшая относительно западной и сопровождавшаяся бурным ростом городов, в XX веке она перемежалась периодами дезурбанизации, связанными с войнами и кризисами. Последний кризис начала 1990-х гг. ненадолго прервал крупногородскую концентрацию населения. Современные потоки населения все чаще нацелены на крупные центры. Концентрация населения и финансовых ресурсов в России все еще сочетается с разреженной сетью больших городов, сопровождается депопуляцией и старением населения и экономической депрессией удаленных от крупных городов территорий. Это усиливает социальную поляризацию пространства по осям север–юг, запад–восток и пригород–периферия и влияет на многие социально-экономические процессы в сельской местности [Нефедова, 2012].

Постановка проблемы. Целью данной статьи является выявление пространственных различий в миграционных тенденциях и их взаимосвязей с занятостью населения в сельском хозяйстве, в основном зависящих от региональных тенденций его постсоветской трансформации.

Во многих сельских районах России, особенно на периферии регионов, упадок сельского хозяйства

в советское время был связан не только с его неэффективностью в сложных природных условиях, но и с оттоком и постарением населения. Максимальный отток из сельской местности происходил в 1960–70-х гг., и не везде он компенсировался естественным приростом населения. К концу советского периода миграционный отток несколько истощился. Однако удержать молодежь в сельской местности удавалось только южным республикам, краям и областям и пригородам крупных центров [Карачурина, Мкртчян, 2016]. В Нечерноземье в условиях малой плотности населения отъезд молодых и наиболее активных жителей неизбежно приводил к деградации социальной среды, которая, в свою очередь, влияла на состояние сельского хозяйства и еще сильнее выталкивала население в города.

Новые институциональные условия (уменьшение дотаций сельскому хозяйству, появление конкуренции и пр.) привели к закрытию многих предприятий и к сокращению занятости в результате модернизации более успешных сельскохозяйственных организаций.

В отличие от советского периода, развитие сельских территорий стало выборочным. На обширных пространствах его тормозят упадок сельскохозяйственного производства (а во многих районах и лесохозяйственного, дающего альтернативный заработок населению), оскудение человеческого капитала в местах постоянных миграционных потерь, стареющая инфраструктурная необустроенность. Последняя кампания объединения сельских поселений привела к еще большей концентрации социальной инфраструктуры и расширению безжизненных про-

¹ Институт географии РАН, отдел социально-экономической географии, вед. науч. с., докт. геогр. н.; e-mail: trenel2@yandex.ru

² Институт демографии Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, Институт географии РАН, вед. науч. с., канд. геогр. н.; e-mail: mkrtchan2002@rambler.ru

странств. Тем не менее, сельскохозяйственные предприятия были и часто остаются «местообразующими», определяя не только занятость, но и весь стиль жизни в сельской местности, включая помощь личным подсобным хозяйствам населения [Нефедова, 2012; Фадеева, 2015]. Период 2000-х гг. выявил явный парадокс, сломавший советское представление о дефиците трудовых ресурсов. В связи с сокращением занятости из-за кризиса или модернизации производства обнаружились обширные зоны сельского перенаселения, где у людей нет подходящей им работы. Они вынуждены искать новые виды занятости, в том числе вне места постоянного проживания, даже в регионах сильной депопуляции, что породило диверсификацию местной сельской экономики и трудовые миграции сельского населения за сотни и тысячи километров (возрождение отходничества) [Великий, 2010; Плюснин с соавт., 2013; Между домом ..., 2016]. Именно это побудило авторов к совместному рассмотрению изменений возвратной и безвозвратной миграции сельского населения по регионам России и трансформации сельского хозяйства, как одной из причин и последствий сокращения занятости населения.

Материалы и методы исследования. В качестве основных социально-демографических показателей использовались баланс миграции сельского населения и его численность в трудоспособном возрасте. Последняя во многом связана с длительной и масштабной миграционной убылью жителей сел и деревень, их старением. Население моложе трудоспособного возраста редко работает на месте, а люди старше трудоспособного возраста при пенсиях, часто превышающих низкие зарплаты, предпочитают заниматься своим личным хозяйством. Исследования К.В. Аверкиевой в черноземных и нечерноземных районах показали, что доля населения, получающего различные пособия и иждивенцев в трудоспособном возрасте составляет от 12 до 29% [Между домом ..., с. 262]. Но и они, как правило, заняты в личном подсобном хозяйстве.

Основными источниками информации о сельских трудовых ресурсах послужили официальные данные Росстата в региональном разрезе, показывающие численность и половозрастной состав сельского населения России, его миграции в 2011–2015 гг. с учетом пола и возраста, а также миграции за предыдущие годы. Исследовалась экономическая активность сельского населения, в том числе динамика занятости в агропромышленном комплексе, а также само состояние сельского хозяйства, влияющего на занятость: соотношение растениеводства и животноводства, изменение специализации, динамика посевных площадей и поголовья скота. Для анализа трудовых миграций сельских жителей использовались данные Всероссийской переписи населения 2010 г. и результаты обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ).

Помимо анализа статистики, в том числе при помощи методов, применяемых в географических исследованиях, авторы опирались на собственный опыт многолетнего исследования разных сельских районов России и многочисленные интервью с населением и представителями властей разных уровней.

Результаты исследований и их обсуждение.
Миграция и региональная специфика распределения сельского населения России в трудоспособном возрасте. Миграционная убыль населения в сельской местности не достигает позднесоветских масштабов, но обе постсоветские переписи зафиксировали недоучет текущей статистикой выезда из села. В 2011 г. система учета миграции в России изменилась, в результате за 2011–2013 гг. число учитываемых мигрантов в пределах России увеличилось с 2 до 4 млн человек, усилился и регистрируемый отток населения из села. Как показывают полевые исследования, реально проживающее в сельской местности население меньше зарегистрированного, особенно в молодых возрастах [Фомкина, 2016].

Основной отток сельского населения осуществляется в городские поселения своих регионов (за 2011–2015 гг. ежегодно от 90 до 174 тыс. человек), за счет миграции с городами других регионов село теряло от 31 до 76 тысяч. Наиболее интенсивно теряют сельское население за счет миграций в города других регионов Дальнего Востока, Восточной Сибири и Европейского Севера (рис. 1). На сельско-городской тренд здесь накладывается «западный дрейф», в результате чего сельское население ежегодно уменьшается на 1,5–3%.

Международная миграция во всех частях страны подпитывает сельское население, компенсируя по официальным данным треть оттока в города³, но она практически нигде, даже в западных частях страны, не может перекрыть отток в города (рис. 2).

Пик оттока из сельской местности в города приходится на возраст 18 лет, когда массово осуществляется миграция в вузы; и в целом на наиболее молодые трудоспособные возраста. Баланс миграции выравнивается после 40 лет, а в предпенсионных и раннепенсионных возрастах отмечается даже приток мигрантов в село (рис. 3). Хотя возрастные профили миграции по регионам страны различаются, в целом миграция способствует ускоренному старению сельского населения.

Село теряет молодежь уже долгое время, Ж.А. Зайончковская отмечала это на основании анализа результатов переписей 1959–1989 гг. [Зайончковская, 1991]. В последние десятилетия масштабы оттока молодежи из сельской местности в региональные центры для отдельных муниципальных образований могут превышать половину от ее численности до времени окончания школы [Мкртчян, 2013].

³ На самом деле международных мигрантов в селе значительно меньше. Получая регистрацию в сельской местности, они живут и работают в городах.

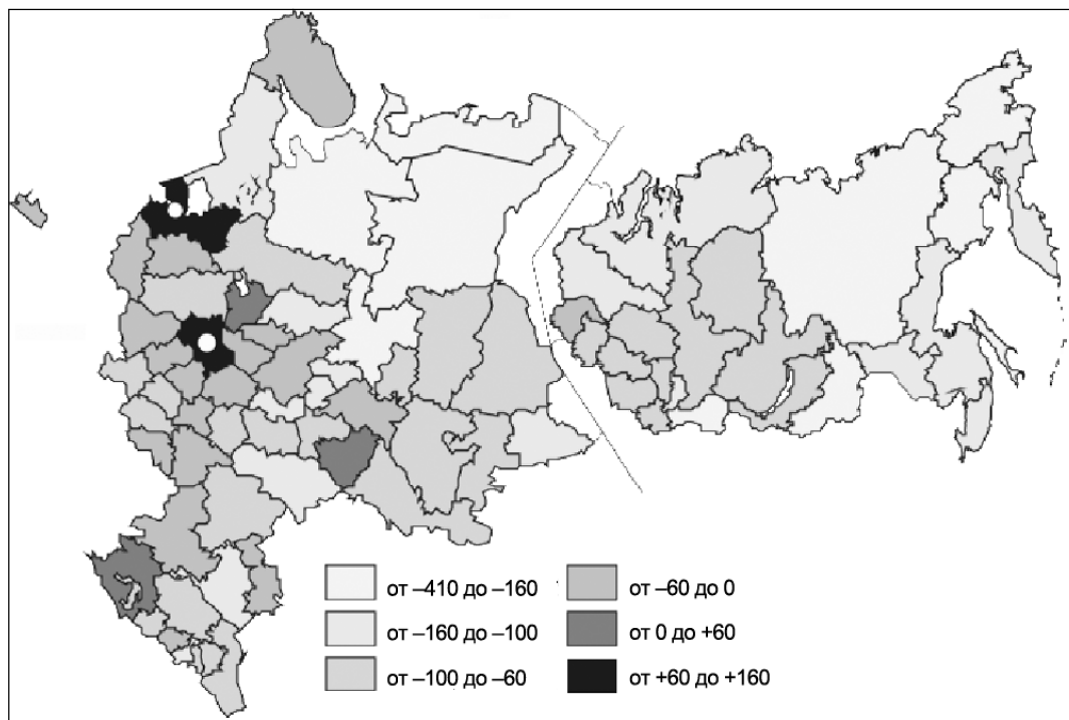

Рис. 1. Внутренняя долговременная миграция сельского населения, прирост/убыль сельского населения на постоянное место жительства, 2011–2015 гг. в среднем за год, на 10 тыс. населения. Рис. 1–4 составлены на основании данных Росстата

Fig. 1. Internal rural migration for permanent residence. Growth/decline of rural population, 2011–2015 annual average per 10 000 rural dwellers. Source: Rosstat

Плотность современного населения в трудоспособном возрасте характеризуется четко выраженными и усиливающимися градиентами север–юг и запад–восток. Выделяются также некоторые крупногородские регионы и республики,

привлекшие или сохранившие трудовой потенциал (рис. 4).

Занятость сельского населения и отходничество из сельской местности. В постсоветское время занятость в сельском хозяйстве, особенно на

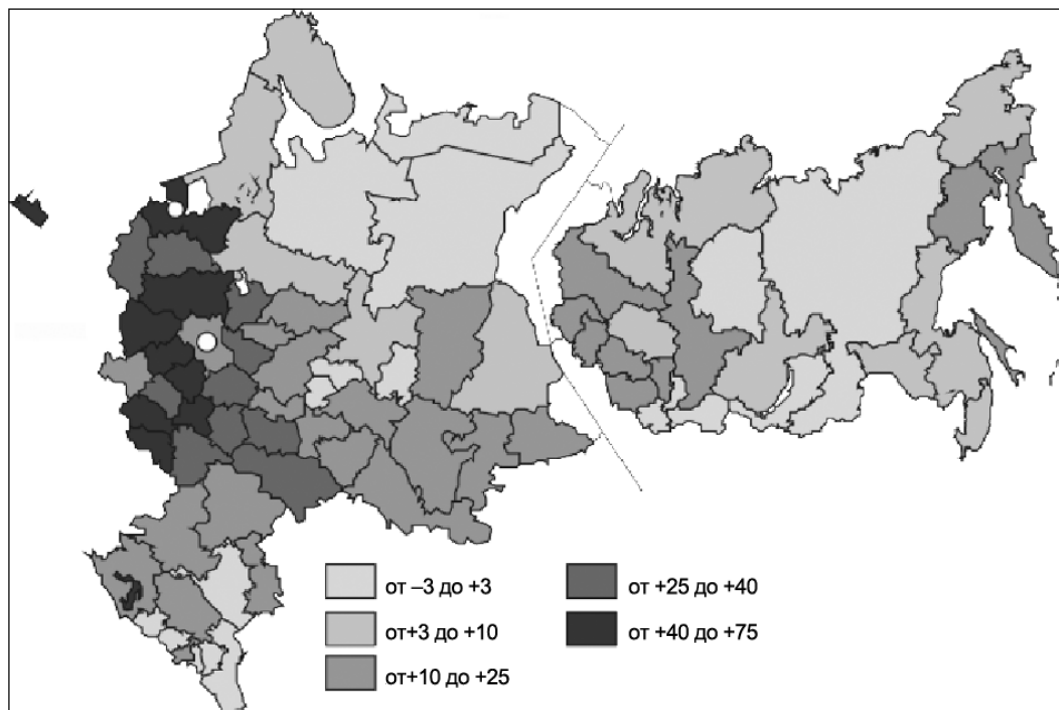

Рис. 2. Международная долговременная миграция сельского населения, прирост/убыль сельского населения на постоянное место жительства, 2011–2015 гг. в среднем за год, на 10 тыс. населения

Fig. 2. International rural migration for permanent residence. Growth/decline of rural population, 2011–2015 annual average per 10 000 rural dwellers. Source: Rosstat

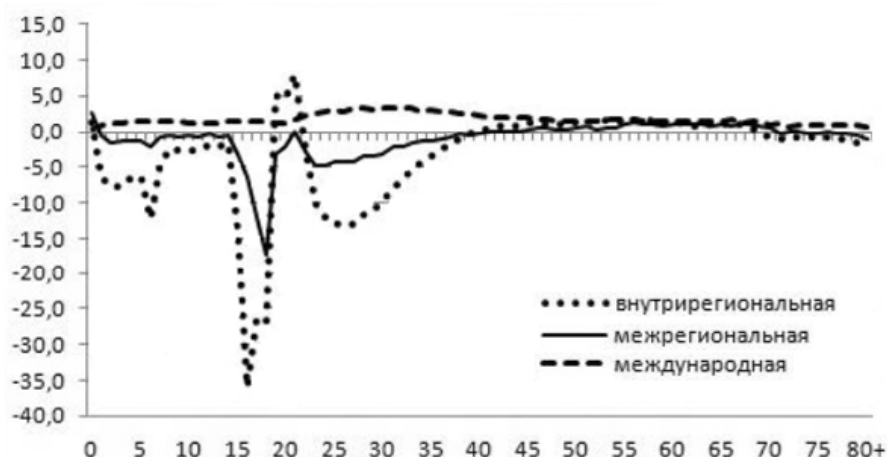

Рис. 3. Миграционные прирост/убыль сельского населения по потокам и возрасту, 2014–2015 гг., на 1000 населения

Fig. 3. Migration growth/decline of rural population by flow and age, 2014–2015, per 1000 dwellers. Source: Rosstat

предприятиях, уменьшалась стремительно, что было связано с существенной трансформацией сельского хозяйства в новых институциональных и экономических условиях. «Уход» сельского хозяйства из районов со сложными природными условиями и сильной депопуляцией стал отражением нормального для рыночных институтов территориального разделения труда – производство стремится в регионы, лучше обеспеченные природными и трудовыми ресурсами; туда же стягиваются и капиталы [Нефедова, 2012]. Кроме природных условий на плотность сельского населения, его динамику и состояние сельского хозяйства заметно влияют большие города, стягивая в пригороды и население, и инвестиции. Лучше обеспеченные еще в советское время инфраструктурой и трудовыми ресурсами, имея тесные связи с перера-

батывающими предприятиями, сельскохозяйственные предприятия, особенно в Нечерноземье и на востоке страны, характеризовались здесь и более высокой продуктивностью скота, повышенной урожайностью и в целом большей устойчивостью, несмотря на наступление дачной и коттеджной застройки [Июффе, Нефедова, 2001]. Наряду с южными регионами, в них активно работают агрохолдинги.

Помимо сильного затянувшегося кризиса сельского хозяйства в ряде регионов уменьшение занятости было связано с модернизацией агропромышленного комплекса в более успешных районах, с появлением агрохолдингов и фермерских хозяйств. Повлияла также смена специализации южных сельскохозяйственных регионов на менее трудоемкое растениеводство [Нефедова, 2012].

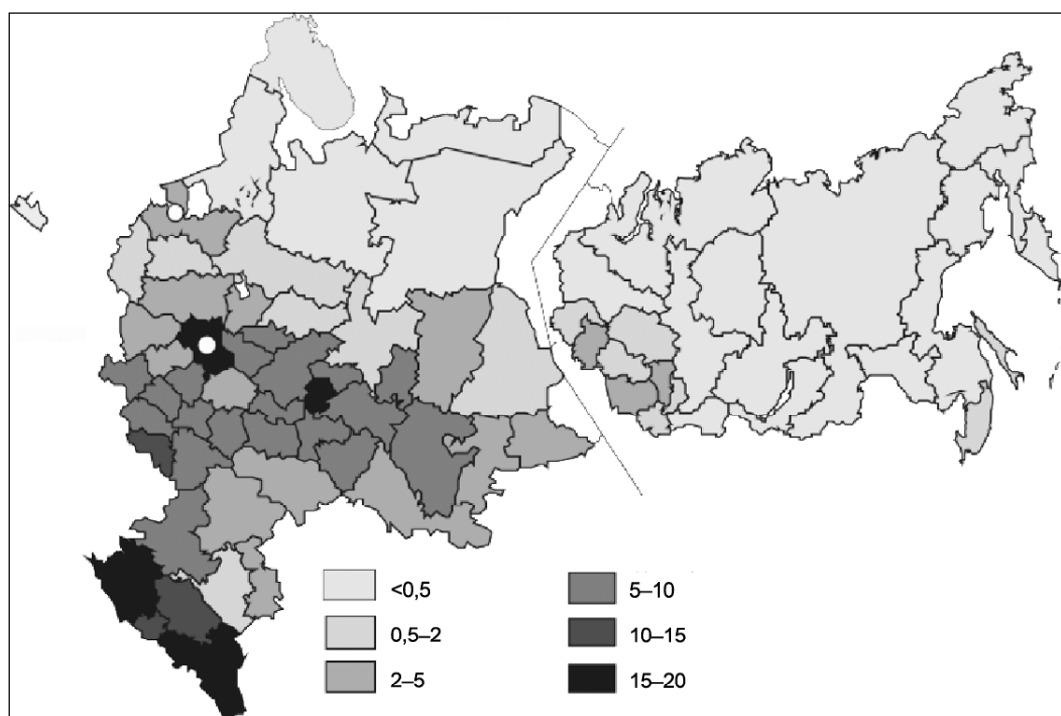

Рис. 4. Плотность сельского населения в трудоспособном возрасте, чел/км², 2014 г.

Fig. 4. Density of rural population in working age, persons per square km, 2014. Source: Rosstat

Из 37 млн сельских жителей, 21 млн составляли люди трудоспособного возраста, из которых только 4,9 млн, по официальным данным, было занято в традиционных для сельской местности отраслях: сельском, лесном хозяйстве, рыболовстве и охоте [Экономическая активность, 2014; Труд и занятость, 2013]. Сокращение занятости в сельском хозяйстве привело к тому, что в нем работало лишь 20% всех официально занятых в сельской местности, в том числе 7% в растениеводстве и 13% в животноводстве в сочетании с растениеводством. Большая часть официально занятых селян работает в бюджетной сфере (26% в среднем, а в депрессивных нечерноземных муниципальных районах – до 70–80%). Доля неработающих, самозанятых и работающих на отходе в других регионах в разных районах колеблется от 30 до 55% населения в трудоспособном возрасте [Между домом ..., с. 262].

Причиной проблем с занятостью стала сильная зависимость сельской местности от крупных сельскохозяйственных предприятий, созданная еще в советское время. Это характерно даже для южных районов с крупными сельскими поселениями. Такие сельскохозяйственные «моносела» с сильным сокращением официальной занятости составляют не меньшую проблему, чем моногорода, о которых много пишут.

Сильное сокращение занятости в сельском хозяйстве⁴ вызвало увеличение реальной безработицы в сельской местности, которая превышает уро-

вень городской безработицы. Однако большая часть сельских безработных не регистрируется в службе занятости, поскольку распространены сезонные работы и неформальная занятость, в том числе отходничество на работу в города [Нефедова, 2015; Аверкиева, 2016].

В 2010 г. перепись населения выявила, что в среднем более половины трудоспособных сельских жителей трудятся за пределами населенного пункта проживания, хотя большая часть – в своем регионе. Особенно это касается некоторых регионов Центральной России, Поволжья, Северо-Запада [Между домом ..., 2016, с. 177], где их трудовая мобильность в целом больше, чем на востоке и севере страны. Тех, кто регулярно ездит из сельской местности не только в региональные центры, но и на дальние расстояния в другие регионы за сотни и тысячи километров с недельным, месячным и более длительным ритмом (отходников), около 800 тысяч. По мнению многих экспертов, оценки временной миграции, особенно дальних отходников, сильно занижены.

Особенно велика относительная доля отходников из сельской местности в областях, окружающих Московскую агломерацию. Отход поглощает в них от 7 до 20% сельского населения в трудоспособном возрасте, а доля сельских отходников к числу занятых в сельском хозяйстве достигает 20–50% (рис. 5). В Московской и Ленинградской областях большая часть селян работает в городах агломераций или в столицах в маятниковом режиме. Все это создает

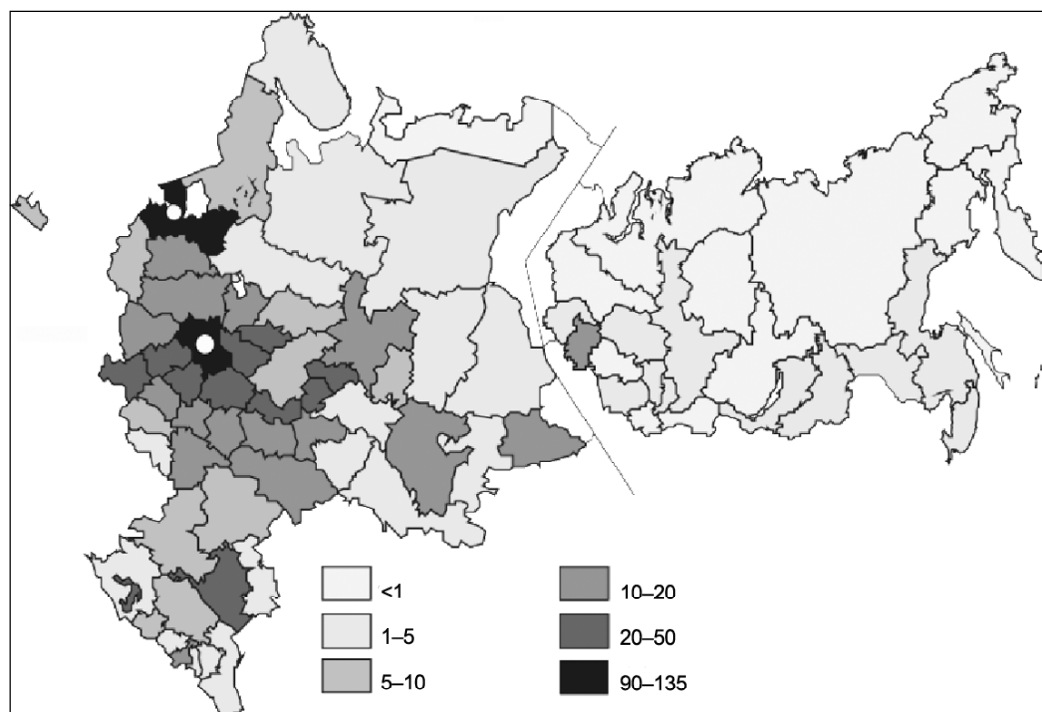

Рис. 5. Отношение численности сельского населения, работающего в другом регионе РФ, к числу занятых в сельском и лесном хозяйстве в регионе его проживания, %. Источник: Всероссийская перепись населения 2010

Fig. 5. The ratio of rural population working in other regions of the Russian Federation to those employed in agriculture and forestry in the region of residence, %. Source: All-Russian population census 2010

⁴ При общем сокращении занятости выявился дефицит квалифицированных кадров, поскольку выпускники средних и высших учебных заведений сельскохозяйственного профиля не возвращались в село, используя учебу как ступеньку для переселения в город.

своеобразный парадокс: в регионах с повышенной долей отходников вокруг Московской и Ленинградской областей вакантные места в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве остаются незанятыми [Между домом ..., 2016, с. 162–173].

Важным фактором отходничества стала также неготовность населения к малому бизнесу как альтернативе крупным предприятиям при уменьшении официальных вакансий или зарплат. В сельской местности в наибольшей степени индивидуальное предпринимательство развито в торговле и в строительстве. А в сельском хозяйстве самозанятость связана с личным подсобным хозяйством, сбором даров леса, обслуживанием дачников. Однако при значительной доле хозяйств населения в 2015 г. в общем производстве (овощей – 67%, молока – 47%, мяса – 25%) преобладало самобеспечение домохозяйств. Повышенная роль товарного хозяйства характерна для пригородов (овощеводство) и для южных зерновых регионов, где предприятия помогают населению кормами для скота, а также для некоторых республик, сохранивших трудовой потенциал. Но и там с уходом старшего поколения и отъездом молодежи роль своего хозяйства в самобеспечении постепенно уменьшается.

Региональная специфика постсоветского сельского пространства. К типологии регионов на основе анализа миграционных тенденций и перспектив развития сельской местности и сельского хозяйства исследователи обращались неоднократно [Алексеев, Симагин, 1996; Национальный атлас, 2008, с. 136; Устойчивое развитие, 2009, с. 193; Бо-

родина, 2016]. Описанные выше регионально дифференцированные тенденции миграции сельского населения (долговременные и возвратные трудовые), изменения роли сельского хозяйства и занятости в нем позволили провести типологию регионов России по этим признакам. Выделено пять типов субъектов РФ, территориальная сближенность которых внутри каждого типа позволила очертить макрорегионы с похожими накопленными результатами изменения трудовых ресурсов в сельской местности, различными тенденциями изменения сельского хозяйства⁵ и занятости в нем (рис. 6, легенду и характеристику типов и подтипов см. в табл.). Схема может использоваться и для регионального прогноза занятости населения в сельском хозяйстве [Нефедова, Мкртчян, 2018].

Наиболее перспективны *южные регионы* (тип I) с точки зрения обеспеченности природными и трудовыми ресурсами и их роли в современном сельском хозяйстве России. В них в 2014 г. на 12% территории России сосредотачивалась половина ее трудоспособного сельского населения и 58% всех занятых в сельском хозяйстве. Эти регионы в 1990 г. увеличили долю в посевной площади России с 2/3 до 3/4 и все еще концентрируют, несмотря на уменьшение, половину поголовья скота. Однако модернизация сельского хозяйства и превалирование нетрудового растениеводства выявили здесь сельскую перенаселенность и стимулировали отток населения в города и трудовые миграции. В этом типе можно выделить уникальные по природным предпосылкам

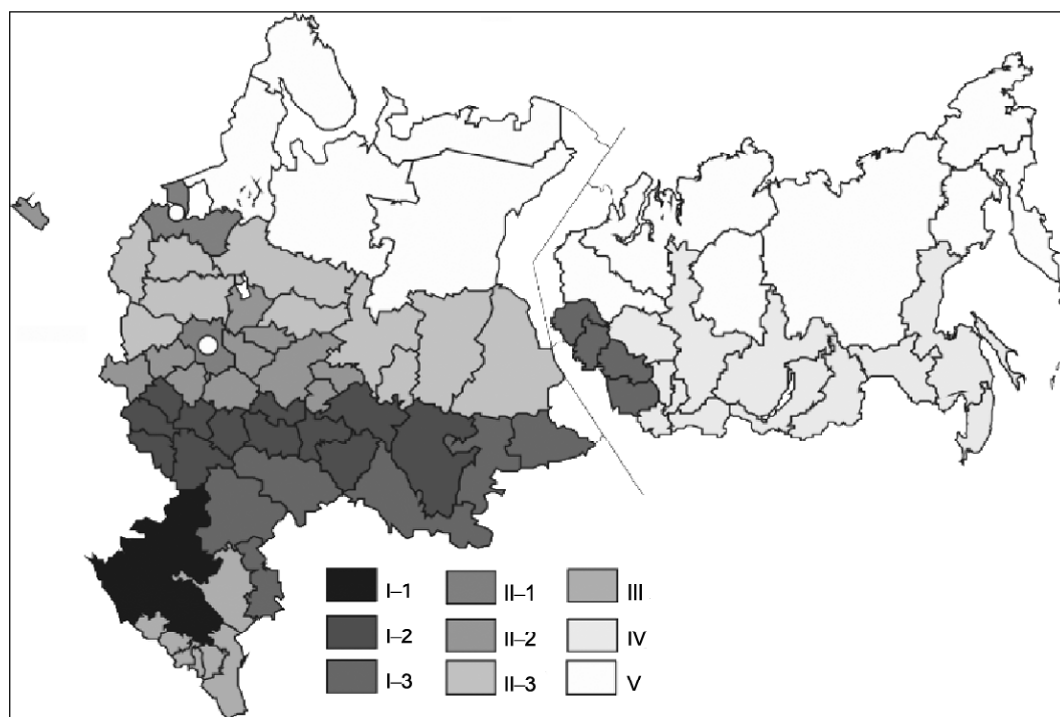

Рис. 6. Типы регионов России с разными тенденциями изменения сельского населения и сельского хозяйства (табл.)

Fig. 6. Types of regions with different trends in rural population and agriculture transformation (see table 1)

⁵ Использовались показатели Росстата по субъектам РФ: динамики производства за 1990–2015 гг., изменения соотношения растениеводства и животноводства, структуры производства по сельскохозяйственным организациям, фермерским хозяйствам и хозяйствам населения, изменения посевных площадей и поголовья скота за тот же период.

Некоторые характеристики сельского населения и сельской местности в выделенных типах регионов (см. рис. 6)

Типы и подтипы регионов РФ	Доля в терри- тории РФ	Доля в численности населения в трудо- способном возрасте в РФ	Динамика сельского населения		Доля занятых в сельском и лесном хозяйст- вах в их общем числе в РФ	Доля заня- тых только в домашнем хозяйстве с целью продажи и обмена в числе заня- тых в ре- гионе	Баланс миграций в 2011–2015 гг. на 10000 населения, человек		Доля в посевной площади в РФ, 2014 г./ 1990 г.	Доля в поголовье КРС/ко- овец и коз в РФ, 2014 г.
			1989 г., % от 1959 г.	2014 г., % от 1989 г.			внутри- россий- ских	между- народ- ных		
	2014 г., %				2014 г., %				%	
I. Южные	11,8	49,8	78	98	58,2	23,3	–51	+22	74/65	52/43
1. Уникальные предкавказские	1,5	14,3	97	112	13,8	21,4	–11	+21	14/11	8/16
2. Черноземные в европейской части России	3,4	19,2	59	88	23,4	27,0	–51	+27	26/23	23/9
3. Засушливые в Поволжье, на Урале и на юге Западной Сибири	7,0	16,3	77	92	21,0	24,7	–86	+17	34/31	21/18
II. Нечерноземные	8,4	24,6	62	90	20,6	22,8	–25	+25	15/21,4	19/4
1. Столичные	0,7	5,5	81	102	2,8	5,0	+113	+36	1/1,4	2/0
2. Регионы к югу и востоку от Московской обл.	2,0	9,2	53	84	8,0	20,9	–49	+24	7/9	9/2
3. Регионы севернее Московской обл.	5,6	9,8	52	83	9,8	13,8	–73	+19	7/11	8/2
III. Северо- Кавказские	1,0	10,6	112	140	8,7	56,5	–66	+2	2/2	13/39
IV. Восточные	35,7	11,4	105	88	10,1	24,2	–106	+9	8/11	14/14
V. Северные и северо- восточные	43,1	3,7	148	72	2,5	12,1	–176	+6	0/0,6	2/0
РФ	100,0	100,0	90	94	100	23,1	–57	+19	100	100

для сельского хозяйства регионы: Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область (подтип 1–1), привлекательные как для российского и зарубежного населения, так и для инвестиций в сельское хозяйство. В них работают агрохолдинги, сельскохозяйственные предприятия, фермерские хозяйства. Черноземные регионы средней полосы от Белгородской до Самарской областей и Башкортостана (подтип 1–2) также концентрируют значительную часть производства РФ, посевных площадей и занятых в сельском хозяйстве (см. табл.). Этот подтип характеризуется повышенным притоком международных мигрантов, а внутренний миграционный баланс сельского населения отрицателен из-за его оттока в города. Но наибольший отток сельского населения, несмотря на усиливающуюся роль в про-

изводстве экспортных зерновых культур, характерен для засушливых Поволжских и Западно-Сибирских регионов от Волгоградской и Астраханской областей до Алтайского края (подтип 1–3). Это связано с общим «западным дрейфом» (Восток, по меткому замечанию Ж.А. Зайончковской [2012], начинается уже с Волги) и сравнительно более активным населением.

Тип II объединяет менее перспективные для сельского хозяйства *регионы Центральной России*, которые, тем не менее, сосредотачивают четверть трудоспособного сельского населения страны. Среди них выделяются два несельскохозяйственных столичных региона (подтип II–1) с маятниковыми трудовыми миграциями сельского населения. При повышенной плотности и положи-

тельном миграционном приросте населения в сельской местности занятость в сельском хозяйстве здесь низка. Выживают лишь крупные агрохолдинги с высоким уровнем механизации, филиалы которых используют земли (часто и иностранную рабочую силу) в более благоприятных по природным условиям районах, а также отдельные фермерские хозяйства, сумевшие проникнуть на столичные рынки. Посевные площади с 1990 г. уменьшились здесь на треть из-за расширения зоны коттеджной, сезонной дачной, логистической и пр. застройки. Тем не менее, по производству молока, мяса, овощей пригородные регионы превосходят окружающие их области. Регионы за пределами столичных, особенно к югу и юго-востоку от Московской области (подтип II–2), характеризуются повышенной долей несельскохозяйственной занятости сельского населения на отходе. Обладая относительно благоприятными природными предпосылками для сельского хозяйства, они продолжают терять сельское население, хотя его отъезд частично восполняется мигрантами из бывших советских республик, приезжающими на работу и на постоянное место жительства. Здесь есть рабочие места, но занятость на месте неконкурентоспособна с работой в столичном регионе. Отходничество и неформальная занятость у дачников блокирует развитие сельского хозяйства [Между домом ..., 2016, с. 162–167]. Нечерноземные регионы, расположенные севернее Московской области, от Смоленской и Псковской до Свердловской (подтип II–3) характеризуются высокими и долговременными потерями сельского населения. Здесь сформировалась социальная среда с пониженной мотивацией любого труда. Остатки более активного населения работают на отходе в городах. Большинство сельскохозяйственных предприятий, кроме пригородов региональных столиц, здесь убыточно, хотя сельское хозяйство существует в тесном симбиозе с лесным (многие работают сезонно и там, и там). Доля этих регионов в посевной площади РФ за постсоветские годы сократилась с 11 до 7%.

Тип III включает *Северокавказские республики*, характеризующиеся наивысшей плотностью сельского населения и наибольшей долей молодежи. Отношение официально занятых в сельском хозяйстве к трудоспособному сельскому населению составляет здесь всего 10%. Частное традиционное хозяйство пока еще сохраняется (13% поголовья КРС и 39% поголовья овец РФ), хотя крупные предприятия практически исчезли. Здесь особенно велика роль неформальной занятости сельского населения преимущественно в строительстве и торговле.

Тип IV – *Восточные регионы России* – от Томской области и Республики Алтай до регионов юга Дальнего Востока – занимают 36% территории России. В постсоветские годы они потеряли значительную часть населения, а их доля в посевной площади

РФ сократилась с 11 до 8%, хотя отдельные очаги благоприятны для сельского хозяйства.

Тип V – *Северные и Восточные малонаселенные регионы* включают обширную несельскохозяйственную территорию, занимая 43% площади РФ.

Выводы:

– миграционные потоки в России в постсоветский период продолжали тренд урбанизации. В регионах, испытывающих наибольшие потери населения – прежде всего, в Нечерноземье – сокращение населения шло «фука об руку» со сворачиванием сельскохозяйственной деятельности, сокращением площади пахотных земель и общей деградацией трудового потенциала сельской местности этих территорий;

– перемещение сельского населения в города усиливают потоки трудовых мигрантов из сельской местности. Доля отходников из сельской местности велика в Центральной России, где их притягивают крупнейшие агломерации, предлагающие разнообразные вакансии и более высокие, чем в месте проживания, зарплаты. К югу и востоку от Московской области потери занятых в сельском хозяйстве достигают 20–50% из-за его неконкурентоспособности;

– выявленные пять типов регионов России по соотношению миграционных тенденций, занятости сельского населения и изменений сельского хозяйства показывают, что население и трудовые ресурсы сельской местности концентрируются на небольших пригодных для ведения сельского хозяйства территориях страны, а также в крупнейших агломерациях. Урбанизационные тенденции носят весьма устойчивый характер, несмотря на тоненькие ручейки дезурбанизации горожан преимущественно с несельскохозяйственными целями и массовые потоки сезонных городских дачников в сельскую местность [Между домом ..., 2016];

– отъезд сельского населения на постоянное место жительства в города и пригороды и на заработки в крупные центры характерен не только для депрессивных регионов, но часто вызван изменением экономических условий, специализации сельскохозяйственного производства, его модернизацией, уменьшением трудоемкости. При малооплачиваемой и непрестижной официальной наемной занятости и неразвитости полифункционального малого бизнеса это усиливает миграцию на постоянное жительство, преимущественно в наиболее молодых возрастах, и отходничество в более старших возрастах. Эти процессы характерны даже для регионов, где сельское хозяйство имеет хорошие перспективы развития, но нынешний трудовой потенциал в условиях существующей модели хозяйствования оказывается избыточным. Предпринимать административные попытки к развороту этих потоков вспять не имеет смысла, поскольку это требует серьезных институциональных и экономических преобразований в стране в целом, и в сельской местности в частности.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект Института географии РАН № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкиева К.В. Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей Российского Нечерноземья // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 1. С. 25–37.
- Алексеев А.И., Симагин Ю.А. Аграрный характер российского менталитета и ход реформ в сельской местности России // Российские регионы в новых экономических условиях / Ред. Ю.Г. Липец. М.: Изд-во ИГ РАН, 1996.
- Бородин Т.Л. Типология региональной динамики населения России в постсоветский период // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России. М.: Изд. дом «Кодекс». 2016. С. 191–209.
- Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
- Всероссийская перепись 2010 года. База микроданных. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. Дата обращения 10.09.2016
- Июффе Г.В., Неведова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве Российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6. С. 100–110.
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года (в 9 т.). Т. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Кн. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008.
- Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 132 с.
- Зайончковская Ж.А. Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. 2012. № 3. С. 3–18.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 5. С. 46–59.
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В трех томах. Т. 1. С.-Петербургский госуниверситет, С.-Петербургский институт истории РАН. СПб., 2014.
- Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Ред. Т.Г. Неведова, К.В. Аверкиева, А.Г. Махрова. М.: Новый хронограф, 2016.
- Мкртчян Н.В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 6. С. 19–32.
- Национальный атлас России. Т. 3. Население. Экономика. М.: Мин-во транспорта РФ, Фед. Агентство геодезии и картографии. 2008. С. 136–137.
- Неведова Т.Г. Основные тенденции изменения сельского пространства России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 3. С. 7–23.
- Неведова Т.Г. Отходники и сельско-городские миграции в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 3. С. 41–56.
- Неведова Т.Г., Мкртчян Н.В. Региональные различия размещения и прогноза трудовых ресурсов сельского хозяйства России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый Хронограф. 2013.
- Регионы России. М.: ФСГС. 2016.
- Труд и занятость. Статистический справочник. М.: Росстат, 2015.
- Устойчивое развитие сельских территорий: региональный аспект // Научные труды ВИАПИ им. А.А. Никонова. 2009. Вып. 25. С. 168–202.
- Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: Ин-т экономики и организ. пром. пр-ва СО РАН. 2015.
- Фомкина А.А. Трансформация местных систем расселения слабоурбанизированных территорий Центральной России (на примере Тверской области). Автореферат дис. М., 2016.
- Экономическая активность населения. М.: Росстат, 2002, 2009, 2011, 2014.
- Gibbs J. The evolution of population concentration // Economic Geography. 1963. V. 39. P. 119–129.
- Fielding A.J. Migration and urbanization in Western Europe since 1950 // The Geographical J. 1989. V. 155. P. 60–69.
- Geyer H.S., Kontuly T. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // International Regional Science Review. 1993. V. 15. P. 157–177.
- Richardson H.W. Polarization reversal in developing countries // Papers of the Regional Science Association. 1980. Вып. 45. С. 67–85.

Поступила в редакцию 09.02.2017
Принята к публикации 04.05.2017

T.G. Nefedova¹, N.V. Mkrtchyan²

MIGRATION OF RURAL POPULATION AND DYNAMICS OF AGRICULTURAL EMPLOYMENT IN THE REGIONS OF RUSSIA

The main trends of rural migration, the spatial distribution of labor resources in rural areas and the change in agricultural employment associated with its post-Soviet transformation are analyzed. Five types of regions and their subtypes are identified which have different prospects for agriculture development and its labor resources. The relationship between rural labor resources and informal («shadow») employment, including seasonal and other temporal work in cities, is discussed. Despite the fact that spatial variations of agriculture stem from both natural, institutional and economic conditions and the accumulated consequences of rural depopulation, the actual population drain has no direct linkage with the agriculture wellbeing. Key factors are described due to which even positive trends and sustained growth of agricultural production do not in fact reduce human incentives to move from the countryside to cities, both for permanent residence and in search of temporary work.

Key words: urbanization, long-term migration, labor migration, rural population, employment, agriculture.

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Science Foundation (project № 14-18-00083 of the RAS Institute of Geography).

¹ Institute of Geography of RAS, Department of Social and Economical Geography, Leading Scientific researcher, D.Sc. in Geography; e-mail: trene12@yandex.ru

² Institute of Demography of the National Research University – Higher School of Economics, Institute of Geography of RAS, Leading Scientific Researcher, PhD. in Geography; e-mail: mkrtychan2002@rambler.ru

REFERENCES

- Alekseev A.I., Simagin Yu.A.* Agrarnyj kharakter rossijskogo mentaliteta i khod reform v selskoj mestnosti Rossii [The agrarian character of Russian mentality and reforms in rural Russia] // Russian regions under new economic conditions / Ed. Yu.G. Lipets. M.: IG RAN, 1996 (in Russian).
- All-Russian census of 2010. Micro database. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm Date of access 10.09.2016.
- Averkiova K.V.* Rynki truda i rol' otkhodnichestva v zanyatosti selskikh zhitel'ev Rossijskogo Nechernozem'ya [Labor markets and the role of seasonal work in the employment of rural population in Russian Non-Chernozem region] // Izv. RAN, ser. Geogr. 2016. № 1. P. 25–37 (in Russian).
- Borodina T.L.* Tipologiya regionalnoj dinamiki naseleniya Rossii v postsovet'skij period [The typology of regional population dynamics of Russia in the Post-Soviet period] // Questions of Geography. № 141. Problems of regional development of Russia. M.: Kodeks, 2016. P. 191–209 (in Russian).
- Ekonomicheskaya aktivnost' naseleniya* [Economic activity of the population]. M.: Rosstat, 2002, 2009, 2011, 2014 (in Russian).
- Fadeeva O.P.* Sel'skie soobshhestva i khozyajstvennye układy: ot vyzhivaniya k razvitiyu [Rural communities and economic structures: from survival to development]. Novosibirsk: Institute of Economics and organiz. prom. production of the SO RAS. 2015 (in Russian).
- Fielding A.J.* Migration and urbanization in Western Europe since 1950 // The Geographical J. 1989. V. 155. P. 60–69.
- Fomkina A.A.* Transformatsiya mestnykh sistem rasseleniya slabourbanizirovannykh territorij Tsentral'noj Rossii (na primere Tverskoj oblasti) [The transformation of local settlement systems in the less urbanized areas of Central Russia (case study of Tver region). The autoreferat Diss. M., 2016 (in Russian).
- Geyer H.S., Kontuly T.* A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // International Regional Science Review. 1993. V. 15. P. 157–177.
- Gibbs J.* The evolution of population concentration // Economic Geography. 1963. V. 39. P. 119–129.
- Ioffe G.V., Nefedova T.G.* Tsentr i peripheriya v selskom khozyajstve rossijskikh regionov [Center and periphery in agriculture of the Russian regions] // Problems of forecasting. 2001. № 6. P. 100–110 (in Russian).
- Itogi Vserossijskoj selskokhozyajstvennoj perepisi 2006 goda (v 9 t.)* [The results of the 2006 All-Russian agricultural census. (9 volumes)]. T. 1. Osnovnye itogi Vserossijskoj sel'skokhozyajstvennoj perepisi 2006 goda. Kn. 1. Osnovnye itogi Vserossijskoj sel'skokhozyajstvennoj perepisi 2006 goda po Rossijskoj Federacii, Moscow: Statistika Rossii, 2008 (in Russian).
- Karachurina L.B., Mkrtchan N.V.* Rol' migratsii v usilenii kontrastov rasseleniya na munitsipal'nom urovne v Rossii [The role of migration in enhancing contrasts of settlement at the municipal level in Russia] // Izv. RAN, ser. Geogr. 2016. № 5. P. 46–59 (in Russian).
- Mezhdum domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between home and ... home. The return spatial mobility of population in Russia] / Ed. T.G. Nefedova, K.V. Averkiova, A.G. Makhrova. M.: Novyi Khronograf, 2016 (in Russian).
- Mironov B.N.* Rossijskaya imperiya: ot traditsii k modernu. [The Russian Empire: from tradition to modernity]. V. 1. S.-Petersburg State University, S.-Petersburg institute of History RAN. S.-Petersburg. 2014 (in Russian).
- Mkrtchan N.V.* Migratsii molodezhi v regional'nye tsentry Rossii v kontse XX – nachale XXI veka [Migration of young people to regional centers of Russia at the end of the XX – beginning of the XXI century] // Izv. RAN, ser. Geogr. 2013. № 6. P. 19–32 (in Russian).
- Natsional'nyj atlas Rossii* [The national Atlas of Russia]. Vol. 3. Population. Economy. M.: Ministry of transport of the Russian Federation, The Fed. Agency of geodesy and cartography. 2008. P. 136–137 (in Russian).
- Nefedova T.G.* Osnovnye tendentsii izmeneniya sel'skogo prostranstva Rossii [The main trends of the transformation of rural space in Russia] // Izv. RAN, ser. Geogr. 2012. № 3. P. 7–23 (in Russian).
- Nefedova T.G.* Otkhodniki i sel'sko-gorodskie migratsii v Rossii [Labor migrants and rural-urban migration in Russia] // Izv. RAN, ser. Geogr. 2015. № 3. P. 41–56 (in Russian).
- Nefedova T.G., Mkrtchan N.V.* Regional'nye razlichiya razmeshheniya i prognoza trudovykh resursov sel'skogo khozyajstva Rossii [Regional differences in the distribution and forecast of labor resources of agriculture in Russia] // Problems of forecasting. 2018. № 1 (in Russian).
- Plyusnin Yu.M., Zausaeva J.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A.* Otkhodniki [Labor migrants]. Moscow: Novyi Khronograf. 2013 (in Russian).
- Regions of Russia.* Moscow: FSGS. 2016.
- Richardson H.W.* Polarization reversal in developing countries // Papers of the Regional Science Association. 1980. V. 45. P. 67–85.
- Trud i zaniatost'* [Labor and employment]. Statistical Handbook. M.: Rosstat, 2015 (in Russian).
- Ustojchivoe razvitie sel'skikh territorij: regionalnyj aspekt* [Sustainable development of rural areas: regional aspect]. Scientific papers VIAP name after A.A. Nikonov. 2009. V. 25. P. 168–202 (in Russian).
- Velikij P.P.* Neotkhodnichestvo, ili lishnie lyudi sovremennoj derevni [New labor migration or extra people in modern village] // Sociological researches. 2010. № 9. P. 44–49 (in Russian).
- Zaionchkovskaya Zh.A.* Demographicheskaya situatsiya i rasselenie [The demographic situation and settlement]. M.: Nauka, 1991 (in Russian).
- Zaionchkovskaya Zh.A.* Federal'nye okrug na migratsionnoj karte Rossii [Federal okrugs on the Russian migration map] // Region: Economics and sociology. 2012. № 3. P. 3–18 (in Russian).

Received 09.02.2017

Accepted 04.05.2017